

ЮН ЭВО

солнце-
крутой
DOT

Перевод с норвежского
Любови Горлиной

МОСКВА
САМОКАТ
2010

УДК 821.113.5-31-93Эво Ю.
ББК 84(4Нор)-44
Э15

Серия «Встречное движение»

Эво, Юн
Э15 Солнце — крутой бог : [для ст. шк. возраста] / Юн Эво ; пер. с норв. Любови Горлиной. — М. : Самокат, 2010. — 320 с. — (Серия «Встречное движение»). — Доп. тит. л. норв. — ISBN 978-5-91759-005-9.

«Солнце — крутой бог» — роман известного норвежского писателя Юна Эво, который с иронией и уважением пишет о старых как мир и вечно новых проблемах взрослеющего человека. Перед нами дневник подростка, шестнадцатилетнего Адама, который каждое утро влезает на крышу элеватора, чтобы приветствовать Солнце, заключившее с ним договор. В обмен на ежедневное приветствие Солнце обещает помочь исполнить самую заветную мечту Адама — перестать быть ребенком.

© Imprintforlaget AS (Omnipax), 2007
Norwegian edition published by
Imprintforlaget (Omnipax), Norway
Published by agreement with Hagen Agency
AS, Norway
© Горлина Л. Г., перевод, 2010
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательский дом «Самокат», 2010

ISBN 978-5-91759-005-9

Адам больше не талает
всучья с прикурками

ВОСХОД — 04:01

ЗАХОД — 22:41

Братья & Сестры, простите мне этот тайм-аут с отмоткой пленки назад.

Сегодня я решил: хватит ныть и жаловаться на жизнь.

Мне тошно думать о Каролине.

Мне тошно оттого, что мне тошно.

В среднем человеческий мозг весит 1,3 килограмма и на 80% состоит из воды. Сегодня мне кажется, что вся эта вода тухнет, неподвижная, без единого пузырька. Моей воде тошно тратить свои мысли на эту девчонку. Она того не стоит.

Сегодня я снова сижу на крыше элеватора. Уже второй день я звоню Хермансену, директору фирмы «Служба посыльных Кьелсена», в которой подрядился работать летом, чтобы уведомить их о моей болезни. У меня перелом ноги и воспаление легких. Блуждающая почка и колики в печени. Хермансен что-то записывает в своем блокноте — ему это без разницы. Ведь я всего-навсего временный работник шестнадцати лет от роду. Работаю только на каникулах. Один из тридцати пяти посыльных велосипедистов в его конюшне. Да плевать ему на меня. Желающих занять мое место пруд пруди.

Однако день начинается по-другому. Семь утра, дом просыпается. Трамвай, не сбавляя скорости, поворачивают с Биркелюнден, и колеса визжат на рельсах. На перекрестке за парком машины газуют, чтобы успеть проскочить на зеленый. Я выглядываю в окно и вижу спешащих людей, у всех важные дела. Грюнерлёкка проснулась. Пахнет летом, цветами и кофе.

Я проскальзываю в душ под носом у сестрицы Глории. Она чертыхается и колотит в дверь, но я лишь фальшиво насвистываю в ответ и смываю с себя ночной пот. Если тебя удивляет, почему у моей сестрицы такое звучное имя, спроси следующего, кто стоит за ней в очереди в душ.

Папаша в синем махровом халате, протертом на плечах, безуспешно втягивает в себя выпирающий животик. Спутанные вьющиеся волосы похожи на швабру, да и бороду бородой не назовешь. Она растет буйно и непослушно. Глядя на папашу, не скажешь, что когда-то он был панком и пел в группе, которая называлась Nakkeskudd – то бишь «Выстрел в затылок». Пиком папашинной карьеры можно считать тот день, когда его группа записала в студии сингл, разошедшийся тиражом в тысячу экземпляров. Сейчас папаша актер, играет в одной хитрой театральной труппе, через пару недель у них будет премьера какой-то пьесы Генрика Ибсена. Папаша совсем чокнулся на этой премьере, превратился в комок голых нервов. Имя Глория – это его находка. Так назывался хит какой-то американской панк-певички. Не спрашивайте меня, почему моим предкам захотелось назвать свою дочь в честь старого американского хита. Я зову ее просто Сёс.

Я торчу в ванной лишние две минуты, чтобы немного поднять градус в коридоре, а выйдя, обнаруживаю, что мама тоже получила свой номерок в этой очереди.

В отличие от папаша она и сейчас выглядит, будто до сих пор играет в панк-группе. Мама рассказывала, что они вообще-то и встретились с папашей в Nakkeskudd. Группа потеряла басиста и искала нового. Раньше в группе играли только парни. А тут вдруг явилась девчонка в кожаной куртке. Половина головы у нее была зеленая, на макушке — черная кожаная военная фуражка. Свою выдающуюся бас-гитару — копию Fender — она получила в наследство от старшего брата, игравшего в каком-то танцевальном оркестре. На этой бас-гитаре она насобачилась исполнять несколько неистовых пассажей, которыми сразила наповал троих «стреляющих в затылок». Успех был такой, что папаша в тот же вечер пригласил ее на концерт норвежской панк-группы, которая называлась Kjøtt — «Мясо». Папаша утверждает, что с ходу охмурил маму и в тот же вечер затащил ее в постель. А мама уверяет, что инициатива принадлежала ей и папаша сразу ползлелся за ней, как баран.

Это я, собственно, к тому, что мама до сих пор выглядит как панк. Зеленые волосы сменились светлым ежиком, и она, в противоположность папашиной обрюзглости, тонка, как две сколоченные доски. Однако приятного в таких стильных родителях мало. Предкам положено быть туповатыми и проявлять интерес к действительности не больше, чем половая тряпка. Но, к сожалению, ваш бедный рассказчик отягощен парочкой экземпляров, которые не желают помалкивать, как требуется от образцовых родителей.

Рейдар, Йоран и Петтер завидуют черной завистью моим предкам. Они говорят, что в любую минуту готовы поменяться со мной местами. И я вроде бы даже готов на обмен. С другой стороны, раз уж ты получил таких предков в подарок при рождении, то сам и мучайся с ними всю жизнь.

Я почти уверен, что если бы мои парни хоть разок присутствовали на нашем семейном завтраке, им бы расхотелось меняться со мной местами и они забыли бы о своем предложении. Потому что, когда мама, папаша, Сёс и я сидим вокруг кофе, апельсинового сока и бутербродов, мне слышится грохот настоящего панк-оркестра.

– КОФЕ СЛИШКОМ ГОРЯЧИЙ, ЧЕРТ БЫ ЕГО ПОБРАЛ!

– ПОЛЕГЧЕ! А НЕ ТО Я ВЫЛЬЮ ЕГО ТЕБЕ НА КОЛЕНИ!

– ДАВАЙ, ЛЕЙ! Я ХОТЯ БЫ СОГРЕЮСЬ.

– МОЖЕТ, КТО-НИБУДЬ ПЕРЕДАСТ МНЕ МАЙОНЕЗ, И ГОРЧИЦУ? МНЕ НАДО НАМАЗАТЬ НА СЫР ЦЕЛЫЙ ПАКЕТИК, А ТО Я БУДУ ЧУВСТВОВАТЬ ТОЛЬКО ВКУС СЫРА!

– И МАЙОНЕЗ И ГОРЧИЦУ? ТЫ ЧТО, СПЯТИЛ?

– НА СЕБЯ ПОСМОТРИ! КТО ЖЕ МАЖЕТ СТОЛЬКО СМЕТАНЫ И ДЖЕМА НА КОЗИЙ СЫР?

– У НАС ЕСТЬ ЕЩЕ ВЕТЧИНА?

– СПРОСИ У ОТЦА. ВЧЕРА ОН ХОДИЛ ЗА ПОКУПКАМИ!

– ДА ВОТ ОНА, ТВОЯ ВЕТЧИНА!

– У ЭТОЙ СРОК ГОДНОСТИ КОНЧИЛСЯ ЕЩЕ НЕДЕЛЮ НАЗАД! ФУ, ГАДОСТЬ! ОНА ДАЖЕ ШЕВЕЛИТСЯ!

– О'КЕЙ! ХОЧЕШЬ, Я УБЬЮ ЕЕ, ЕСЛИ ТЫ САМ НЕ МОЖЕШЬ?

– КТО ВАРИЛ ЯЙЦА? ТЯНУТСЯ, КАК СОПЛИ! Я ИХ ЕСТЬ НЕ БУДУ!

И т. д.

И т. п.

У нас дома за завтраком все говорят только прописными буквами. За завтраком мы все и любим и ненави-

дим друг друга. Нам просто надо выпустить пар до того, как за нас примется новый день.

— Я скоро спячу! — кричит папаша и мечется в поисках одежды, одновременно отхлебывая кофе.

— Он думает, что до этого был нормальным, — иронически замечает мама и наливает себе вторую чашку черного кофе. — Я просто умру от счастья, когда премьерера «Пера Гюнта» будет уже позади.

— Кто-нибудь видел мои штаны? — кричит папаша из спальни.

— А ты не можешь пойти на репетицию без штанов, Хельге? — спрашивает мама и подмигивает нам. — Ведь вы все равно играете Ибсена как рок-оперу? Будет очень сексуально, если Пер Гюнт появится на сцене с голым задом.

— Очень смешно! — Папаша стоит в дверях с брюками в руках и сует в штанину волосатую ногу. — Мы осуществляем весьма серьезный проект. До нас никто не ставил Ибсена как рок-оперу.

— Думаю, что и после вас никто этого делать не станет, — равнодушно говорит мама, отламывая кусочек хрустящего хлеба.

— Ты меня кровно обидела, Вивиан, — стонет папаша и затягивает пояс так, что мы слышим, как у него в животе булькает кофе. Потом он смотрит на меня и замечает мою презрительную усмешку.

— Грифы, змеи и суки! Завтра же перееду от вас! — кричит он и хватает свой портфель. Сперва он с такой силой распахивает дверь кухни, что это отдается у нас в пломбах. Потом яростно рвет входную дверь, и картина в коридоре падает уже в двадцатый раз.

Последние пять минут Сёс сидела опустив голову и, очевидно, пыталась обрести внутреннее равновесие. Как будто в нашей семье это возмож-

но! Но когда захлопали двери и грохнулась картина, она вскочила и брякнула чашку на стол так, что кофе выплеснулся ей на лоб и на белоснежную блузку. Сперва она орет:

— Ч.Ч.ЧЕРТ! — а потом: — ПОЧЕМУ В ЭТОМ ДОМЕ НЕЛЬЗЯ ДАЖЕ СПОКОЙНО ПОЗАВТРАКАТЬ? Я БОЛЬШЕ ТАК НЕ МОГУ! ЗАВТРА ЖЕ ПЕРЕЕДУ ОТ ВАС! ТАК И ЗНАЙТЕ!

— Тогда, может, вы с отцом поселитесь вместе? — сухо спрашивает мама и тянется за «Афтенпостен», к которой никто до сих пор не прикоснулся.

— Я вас всех ненавижу! — бросает нам на прощание сестрица и выскакивает из квартиры.

— Я тебя тоже люблю, — произносит мама и принимается читать объявления о смерти. Есть у нее такая неприятная привычка — читать за завтраком объявления о смерти. И вслух повторять добрые слова о бедных покойниках. Например: «Она была лучом света для всех нас в темные времена... Вместе с ним ушла и поддержка норвежскому пчеловодству... У него был лозунг: «Для веселых парней солнце светит всегда» и т. д.

Нам это действует на нервы. Иногда мы не можем понять ее любви к потустороннему. Утром мама поддерживает силы исключительно кофе, объявлениями о смерти и ядовитыми замечаниями. Она приходит в себя, только проработав часа два и, как она выражается, «приведя день в порядок». Для меня до сих пор загадка, как получилось, что прежняя бас-гитаристка из панк-группы стала директором большого цветочного магазина. Бас и панк как-то не вяжутся с розами, гвоздиками и лилиями.

— Мама, ты знаешь, например, что первый раз вилку для еды использовали 25 июня 1630 года? — спрашиваю я, когда мы остаемся одни.

Она не отвечает, и я продолжаю:

— И что хлеб нарезкой стали продавать в 1954 году?

Мама глядит на меня. То на меня, то на газету, и вздыхает.

— Иногда мне кажется, что в тебе есть какой-то серьезный изъян. Не знаю никого, у кого голова была бы так набита всякой ненужной чепухой. Если ты будешь продолжать и дальше забивать себе голову всякой чужью, она начнет торчать у тебя из ушей. Разве нормально говорить с матерью за завтраком о таких вещах? — Мама усмехается и приглаживает волосы. — Не забывай, что у меня слабые нервы.

— А нечего читать за завтраком объявления о покойниках, — дерзко отвечаю я.

— Мне необходимо понять, на каком я свете, — говорит мама. Она смотрит на объявления и восклицает:

— Господи! Я с ним училась в школе! — Мама цокает языком и покачивает головой. Ну что тут еще скажешь?

Если подумать, у нас в семье все чудики. Сёс тоже не исключение. Вместе с подругой они держат на Стургата лавку, которая называется «Урбан Экшн». Торгуют скейтбордами, роликовыми коньками и крутыми велосипедами. Плюс всякой прикольной ерундой для тех, кто хочет выглядеть профи: солнечными очками, повязками на лоб, обтягивающими штанами для езды на велосипеде и другими стильными спортивными штученциями, которые любого человека сделают похожим на персонажей фильма «Безумный Макс»*.

В нашей семье, по-моему, нормальный я один.

Правда, Братья & Сестры, может, кому-то из вас вовсе не кажется нормальным проводить утро на крыше большого зеленого элеватора в Лёкке. Высоко над землей с

* Mad Max (англ.) — австралийский фантастический фильм 1979 года.

видом на все четыре стороны света. Что тут сказать — человек, живущий в городе, должен иметь возможность побыть иногда в одиночестве. А здесь на много километров окрест другого такого места нет.

Я лежу на крыше элеватора. Солнце застряло на небе и выжимает из Цельсия градусы. Иногда какая-нибудь птаха делает надо мной круг. Но когда я лежу на спине, мне кажется, что я нахожусь на скале, высшейся на пустынном берегу. Вот где мне бы сейчас оказаться, думаю я, и невольно начинаю моргать за солнечными очками. Мне бы сейчас жариться на скале, а не стараться внушить мамаше, что я качу на велике в свою контору. Мне нужно немного побыть одному. Здесь, на солнце.

Здесь, на солнце...

Здесь, на...

Здесь...

И на этом я улетаю.

Легкий, невесомый.

Я лежу на крыше элеватора, ощущая спиной и лопатками бетон крыши. Солнце по-прежнему красуется наверху, как леденец на палочке.

Я щиплю себя за руку, но ничего не чувствую.

Неужели я сплю? Этого еще не хватало.

Я решаю немного поваляться в этой доброй, теплой дреме.

Солнце выжигает из меня всю дрянь, и тело снова становится крепким и сильным.

Я парю в воздухе и ни секунды не думаю о Каролине.

Неожиданно рядом кто-то громко кашляет. Я вздрагиваю.

— Привет, Адам!

Бетон дрожит подо мной, и я ошалело гляжу по сторонам.

— Вставай, Адам-Радам-Хелди-Мадам! — слышу я и прямо перед собой вижу старческое лицо Солнца. Круглая рожа сидит прямо на грушевидном туловище, упакованном в пару пылающих штанов с помочами. Солнце тычет мне в грудь горячим пальцем и говорит:

— Ты должен слушаться меня. И никого больше.

— Тебя? — удивляюсь я, и моя физиономия напоминает вопросительный знак.

— Да, меня, Солнце. Надеюсь, ты о таком слышал? Вокруг меня вращается Земля со всеми своими жителями. Между прочим, ты знаешь, что средняя скорость вращения Земли вокруг Солнца составляет 107 220 километров в час? Ведь ты, кажется, интересуешься всякими глупыми сведениями?

— Я называю их фактиками. Мне известно также, что твой луч долетает до меня за восемь с половиной минут. Азвук? Каким образом мы вообще с тобой разговариваем?

— Ох уж эта современная молодежь, — вздыхает Солнце. — В чудеса больше никто не верит.

— Да что в тебе такого особенного? — Я уже завелся. — Неужели ты не знаешь, что в Млечном пути пять миллиардов звезд, которые больше тебя?

— Ну, во-первых, я — крутой бог, — надменно отвечает Солнце и самодовольно выпрямляется в своих подтяжках. — Я самый крутой и пузатый бог в этих краях. Тут и говорить не о чем. Но вообще-то я хотело сделать тебе предложение, которое человек получает не каждый день, а ты сразу полез в бутылку. — Солнце убирает горячий палец и начинает разворачиваться ко мне спиной. Я вижу у него на штанах сзади какую-то бумажку.

— Эй, погоди! — кричу я.

— Ага, значит, тебе все-таки не все равно, — говорит оно. — Но ты уже опоздал...

— О'кей, — отвечаю я. — Сдаюсь-сдаюсь. Ты самый крутой и пузатый бог.

— Вот и чудненько, — говорит Солнце и трет себе лоб, так что из-под пальцев у него вырываются языки пламени. — Так на чем я остановилось? Да, раз я самый крутой бог, мне нужно внимание всех моих почитателей. В данном случае твое. Предлагаю сделку. Каждое утро ты будешь приходить на элеватор и приветствовать меня, а я позабочусь о том, чтобы ты получил все, что тебе хочется. — Солнце блестит, как смазанная жиром сковорода. Не хватает только яиц и бекона.

— Такой крутой бог как ты должен сам знать, чего мне хочется, — говорю я недоверчиво.

— Тебе хочется стать взрослым, — победоносно отвечает Солнце и щелкает пальцами. От его руки сыплется небольшой дождь искр.

— Yes, baby*! Вот мы и дошли до самого главного. Ты предлагаешь договор...

И тут я просыпаюсь.

Я по-прежнему лежу на крыше элеватора.

Я щиплю себя за руку и вскрикиваю, ибо понимаю, что все так и есть.

Я никак не мог этого просечь, пока не услышал правды от Солнца. Но теперь мне все ясно. Я хочу стать взрослым.

За это лето я должен стать взрослым. Каролина права. Я еще ребенок. Но это поправимо.

— Ребенок, ребенок! — говорю я, щелкаю пальцами и начинаю приплясывать на крыше.

— От ребенка к взрослому, взрослому, взрослому, — напеваю я, делаю несколько шагов и чуть не лечу

* Да, детка! (англ.)

кувырком вниз. Однако, пыжась от презрения к смерти, я останавливаюсь на краю и смотрю вниз, чтобы доказать самому себе, что мне не страшно.

— От ребенка к взрослому, взрослому, взрослому, — пою я и разворачиваюсь на 180°. Танцуя, я добираюсь до противоположного края крыши, снова разворачиваюсь и останавливаюсь на самой середине. Я поднимаю руки к Солнцу и приветствую старое светило, которое стоит высоко над крышей.

— Солнце — крутой бог! — кричу я и машу ему рукой. Оно в ответ машет дымящейся сигарой, торчащей у него изо рта, и говорит:

— Остановись, Адам. Еще свалишься с крыши! Помни, что многое зависит от тебя. Хотя я все время буду у тебя за спиной и помогу, если что! — Солнце пускает над Осло-фьордом жирное кольцо дыма, которое недолго висит в небе, а потом тает над Бюгдё.

Я водружаю на нос солнечные очки и чувствую себя победителем.

Спускаюсь с элеватора.

Сажусь на велосипед.

И мне кажется, что я уже немного повзрослел.

Вырос, по крайней мере, на два сантиметра.

Голова задевает за ветки и уличные фонари, ноги крепче упираются в педали.

Я качу по Маридалсвейен в сторону Рингвейен лишь затем, чтобы проверить, в какой я форме. Все о'кей. Пульс ровный, и ни капельки пота. Я возвращаюсь домой и растягиваюсь на тахте. И валяюсь, пока не приближается время обеда. А там — картошку в кастрюлю. Рыбную запеканку в духовку. Я легко справляюсь со всеми делами, и к приходу семейства обед готов. Папаша заваливается последним.

— Я скоро с ума сойду! — слышится из прихожей его голос, мы переглядываемся и делаем вид, что ничего не слышали, он, пыхтя, тяжело садится на стул.

— Да, обед, — говорит он.

После обеда звонит Рейдар, и мы договариваемся пересечься на Улаф Рюес Пласс у фонтана. Когда я заявляюсь, Рейдар, Ханс и Петтер уже сидят на скамье и делят между собой тощую пачку сигарет. Все, кроме Рейдара, устроились на лето работать и ненавидят свою работу. У Рейдара есть постоянная служба по субботам и воскресеньям на складе магазинов «РИМИ», и ему этого достаточно. Ханс работает грузчиком в компьютерной фирме. А Петтер развозит «Афтенпостен» и «Дагсависен». Сейчас они говорят о девчонках. Но ни у кого из нас своей девчонки нет.

Мы только мечтаем о них. Иногда мечты нам кажутся действительностью, и мы хвастаемся и привираем, стучим себя кулаками в грудь и обсуждаем всех девчонков, которые нам подмигнули. Всех, которые улыбнулись нам в трамвае. Всех, которых мы встретили или не встретили. И плевать, что все это вранье.

Врать необходимо, потому что все мы боимся оказаться не на высоте. Все, кроме Рейдара, но он человек особенный. И потому не в счет. Остальные несут чушь. Но мы одобрительно поддакиваем друг другу. Потому что в следующий раз придет твой черед вешать им лапшу на уши. Такие уж мы, и тут ничего не поделаешь.

Неожиданно я выпадаю из общего разговора. Я вижу по физиономиям друзей, что они о чем-то толкуют. Слышу их слова, но ни фиги не понимаю. Слова, вылетающие у них изо рта, похожи на жидкую кашу, звучащую

примерно так: «Девчонки. Ха-ха-ха. Мини-юбки. Ляжки. Девчонки. Ха-ха-ха. Настоящие окорока. Потискал сиськи. Девчонки. Ха-ха-ха. Она подмигнула только мне. Плечи. Девчонки. Ха-ха-ха». Все равно что Бивис и Баттхед на замедленной скорости. Странно, но эти разные голоса сливаются в один. И я вдруг замечаю, что все мы, парни, похожи друг на друга. Этакие братья-близнецы. Одинаковые джинсы. Одинаковые рубашки. Одинаково прикуриваем сигареты. Сидим или стоим. И думаем тоже одинаково. Как будто мы одно существо.

Один большой ребенок.

Теперь мне это ясно.

Мы ведем себя как дети.

Мы и есть дети, меня даже тошнит от этого.

Я делаю шаг назад, и никто из ребят этого не замечает.

Кислая горечь заполняет глотку, но я глотаю ее и говорю, что меня здесь больше нет.

Скоро меня здесь не будет.

Я исчезну.

Еще немного.

И меня с ними уже не будет.

Они еще дети.

Да и я тоже никакой еще к черту не взрослый.

Но скоро этому конец.

Я исчезну.

Братья & Сестры, вскоре на моем детском тельце вы увидите большое объявление: «Ушел на обед. Не вернусь, пока моя душа не станет взрослой».

Мне все еще слышны детские голоса моих приятелей: «Девчонки. Ха-ха-ха. Я так завелся. Девчонки. Ха-ха-ха».

Я отступаю еще немного, и никто ничего не замечает.

Я готов смыться.

И тихонько выхожу из их круга.

Вскакиваю на велосипед и мчусь наискосок по лужайке. Между деревьями. Оборачиваюсь, но никто на меня не смотрит. Я объезжаю дерево и вылетаю из парка.

Теперь я все понял. Меня не только достало думать о Каролине. Меня достало думать о том, что было и чего уже нет.

И мне надоело заточение в этом детском теле.

Мне надоели мои голова, волосы и кожа. Надоело быть черепахой. Восемьдесят процентов воды в моем мозгу угрожающе плещутся и ненавидят образ, в который я заточен.

Нужно найти новый.

Взрослый образ.

И чем быстрее, тем лучше.

Я мчусь по Биркелюнден, словно раскаленное Солнцем железо вот-вот вонзится мне в задницу. Делаю круг по парку и влетаю в подъезд, тащу велик наверх и запираю его на замок у двери нашей хаты. Он стоит десять тысяч и требует к себе уважения. Ради него я и подрядился летом работать посыльным. Чтобы вернуть долг Сёс, у которой я купил этот велик.

Но сейчас я больше не думаю о работе.

Ведь сегодня я получил на лето дополнительное задание.

Я докажу Каролине и всему миру, что новый Адам — взрослый мужчина. Старый Адам был щенком. Старый Адам жил в мире Дональда Дака и кубиков лего. Он бегал, пустословил, врал и хулиганил с мальчишками.

Новый Адам расстался со всей этой чепухой.

Глядя на своих приятелей в парке и слушая их треп, в котором я и сам принимал участие, я еще больше утвердился в своем решении.

Войдя в свою комнату, я встал на колени перед собранием панковских синглов, которое папаша одолжил мне с большой неохотой.

— Это классика, Адам, — сказал он. — Берегись, если на них появится хотя бы одна царапина. Ты мне, конечно, сын, но я сделаю из тебя пюре. Глория получит в наследство все пластинки, а ты будешь лежать в могиле.

С величайшей осторожностью я вынул пластинку Kjøtt и пустил иглу на дорожку, где была песня «Я больше не желаю водиться с придурками».

Вот так, Братья & Сестры. Я только что допер до того, что именно оставляю у себя за спиной. Я больше не желаю водиться с придурками. Новый Адам, который вырос и стоит сейчас здесь рядом со мной, живет уже в другом мире. Я еще не имею понятия, как этот мир выглядит, но это неважно. У меня впереди все лето, чтобы это узнать. И оно будет самым интересным летом в моей жизни. Таково мое решение. Я не упущу эту возможность. Буду расти на два сантиметра в день. И избавлюсь от всего старого дерьма.

А в данную минуту я ощущаю себя Христофором Колумбом, плывущим через Атлантический океан. Он гонит вперед своих матросов, хотя они до смерти боятся упасть с того небесного тела, которое кажется им плоским, как блин. Он подавляет бунт и сулит им золото, золото, золото. Потому что Христофор Колумб просек, так же как и я, что там, на другой стороне, что-то есть. Братья & Сестры, он был в этом уверен. Он знал, что надо стоять на своем и не сдаваться. Потому что на той стороне, от которой он ни за что не отступился бы, его ждала награда.

Вообще-то он ошибся, полагая, что земля круглая. Она скорее слегка напоминает грушу. От экватора до Северного полюса чуть дальше, чем от экватора до

Южного. Впрочем, это неважно. Главное, что он пересек океан и открыл Америку. А для меня главное, что я решил за это лето стать новым взрослым Адамом.

Так закончился важнейший день в моей жизни. Можно было подумать, что такое решение помешает мне спать. Но я был так измотан, что отключился, не раздеваясь. И даже не слышал, что пластинка кончилась и ночь до утра наматывала черные нити на свой клубок.

Братья & Сестры, во многих отношениях я необыкновенно счастлив.